

ЖУРАВЛЕВ А. П.

СОДЕРЖАТЕЛЬНОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ФОРМЫ
(Синтаксический символизм)

Одним из аспектов семантической переориентации современной лингвистики можно считать разработку идеи о содержательности языковой формы. Под давлением экспериментальных психолингвистических фактов пришлось признать существование фонетического символизма, т. е. содержательности формы на низшем, фонетическом уровне [1, 2]. Снова возник интерес к поискам мотивационных связей в области лексики, где среди разных типов мотивированности обнаруживается и содержательность фонетической формы слова [3]. Видимо, настало время повнимательнее присмотреться с этой точки зрения к синтаксису.

Синтаксический уровень — это уровень не элементов, а отношений, поэтому и синтаксический символизм — это, как нам представляется, содержательность не элементов (как фонетический), а типов отношений между элементами, другими словами, — это содержательность формы синтаксических конструкций. Символическое значение синтаксических конструкций, очевидно, заключается в способности поддерживать, подчеркивать самую общую эмоциональную настроенность предложения или отрывка текста. Наиболее полно и определенно это свойство конструкций должно проявляться, несомненно, в художественно организованной речи и особенно в поэтических произведениях.

Приводя иллюстрации функционирования синтаксической символики в художественных текстах, мы отнюдь не настаиваем на строгой доказательности и объективности такого способа описания этого сложного явления, требующего, на наш взгляд, фундаментального и систематического исследования. И все же удивительно точное употребление художниками слова различных по устройству синтаксических конструкций именно в тех местах, где их символическое значение соответствует общему эмоциональному тону и обобщенному смыслу текстов, представляется нам по крайней мере симптоматичным.

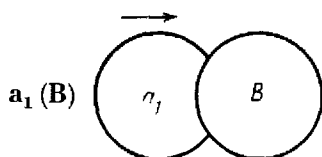
Для анализа мы выбрали сложные синтаксические конструкции (в основном сложноподчиненные), поскольку их символика просматривается особенно наглядно. Причем нас интересуют лишь логико-структурные отношения между частями сложных конструкций, и наши синтаксические модели будут отражать только эту их сторону. В качестве индикатора принадлежности предложения к определенному типу моделей воспользуемся распознающими трансформациями. Введем условные обозначения **A** и **B** для двух потенциально автосемантических частей сложного предложения и соответственно a_1a_2 и b_1b_2 для составляющих эти части синсемантических элементов. Все элементы, служащие для объединения частей в составе сложной конструкции, вне зависимости от того, выполняют они какие-нибудь другие функции в предложении или нет, назовем скрепами.

По типу логико-структурных отношений между частями все сложные предложения можно разбить на три группы. I. А т р и б у т и в н ы е предложения характеризуются тем, что по крайней мере одна из частей в них синсемантична и потому не может функционировать самостоятельно, а представляет собой как бы атрибут другой, автосемантической части. Такой характер отношений проявляется в невозможности подвергнуть атрибутивные предложения операции сепаратизации частей. Индикатором принадлежности предложения к этой группе служит трансформация синтаксического упрощения, когда две части сложного предложения сливаются в одно простое; II. В к о м п а р а т и в н ы х предложениях сравниваются события, описанные в каждой из частей. Критерием отнесения предложения к этому типу служит трансформация ротации, при которой части сложного предложения меняются местами относительно остающихся без изменения скреп; III. Между частями к а у з а т и в н ы х предложений устанавливаются причинно-следственные отношения. Они проявляются в трансформации импликации, заключающейся в приведении предложений к форме *Если... то*. Рассмотрим каждую из этих групп.

I. А т р и б у т и в н ы е п р е д л о ж е н и я .

Различаются три типа атрибутивных предложений в зависимости от того, какие части и как соединяются в их составе.

I.1. А т р и б у т и в н ы е с д о п о л н е н и е м о д н о й и з ч а с т е й . Логическую модель таких предложений и графическую ее интерпретацию можно изобразить следующим образом (стрелки на рисунках показывают направление движения частей при трансформации):

Одна из частей (а) синсемантична и является атрибутом другой, потенциально автосемантической части (В). При трансформации упрощения синтаксической структуры происходит за счет того, что синсемантичная часть входит в автосемантическую в качестве вводной:

$$T: a_1(B) \leftrightarrow B$$

Например: *Известно, что слоны в диковинку у нас* \leftrightarrow *Слоны, как известно, в диковинку у нас*. Поскольку основная часть таких предложений может существовать как самостоятельное предложение, тогда как другая существует лишь в связи с первой, налицо односторонняя зависимость а от В, которая проявляется и в трансформации: простое предложение образуется лишь за счет автосемантической части.

Связь частей однонаправленна, но тесна, и такое строение модели способствует выражению сильных эмоций односторонней направленности. Эта содержательность синтаксической конструкции тонко используется талантливыми художниками слова как дополнительное изобразительно-выразительное средство. Так, в письме Онегина к Татьяне из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» большинство сложных конструкций именно такого типа:

Я думал: вольность и покой
Замена счастью.

...

Боюсь: в мольбе моей смиренной
Увидит ваш суровый взор...

...
Когда б вы знали, как ужасно
Томится жаждою любви...

Большая часть текста письма состоит из предложений, составленных именно по этой модели. Характерно, что эмоционально наиболее напряженные строки письма (их отмечал В. Маяковский как блестящий образец пушкинской лирики) оформлены с двукратным использованием рассматриваемой модели — в начале предложения и в конце его:

Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Показательно, что в приведенной цитате встречается еще одна конструкция с наиболее ярко выраженной дисгармонией частей (А, но В), а также предложение, которое хотя и имеет гармоничную конструкцию, но в данном случае скорее способствует выражению желания гармонии, чем констатирует ее (чтобы было А, нужно В).

В письме Татьяны к Онегину также почти все сложные конструкции негармоничны и среди них есть атрибутивные с дополнением одной из частей:

Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда...
...
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...
...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает...

Интересно, что в первых же строчках письма употреблено простое предложение, являющееся как бы результатом трансформации упрощения все той же модели атрибутивных предложений с дополнением одной из частей:

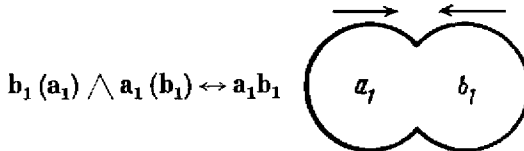
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.

Одним из наиболее ярких художественных описаний сильного односторонне направленного чувства — неразделенной любви — можно считать «Гранатовый браслет» А. И. Куприна, а внутри этого произведения — предсмертное письмо Желткова. Синтаксическая организация текста этого письма от начала и до конца построена в основном на атрибутивных предложениях с дополнением одной из частей. Именно по этой модели построены три первых предложения письма: «Я не виноват, Вера Николаевна, что богу было угодно послать мне, как громадное счастье, любовь к Вам. Случилось так, что меня не интересует в жизни ничего. . . Я теперь чувствую, что каким-то неудобным клином врезался в Вашу жизнь». Дальше в тексте письма предложения этой модели встречаются неоднократно, влетаясь ведущей нотой в общую сложную синтаксическую символику текста.

Символично-синтаксический тон «Письма к женщине» С. А. Есенина также задается предложениями рассматриваемой модели: таким предложением начинается произведение, и четыре первых строфы целиком построены на предложениях этого типа.

Может показаться, что рассматриваемые синтаксические конструкции характерны для эпистолярного стиля. Но это не совсем так: в письмах Пушкина, Куприна, Есенина предложения этой модели действительно встречаются, но не настолько концентрированно, как в приведенных цитатах, и самое главное, безотносительно к общему содержанию текста.

1.2. А т р и б у т и в н ы е п р е д л о ж е н и я с о б ъ е д и н е н и е м ч а с т е й. Обе части синсемантически и каждая является атрибутом другой. Взаимозависимость частей проявляется в трансформации упрощения путем объединения частей, причем в образовании ядра простого предложения принимают участие обе части исходного сложного. Модель, ее трансформация и графическое изображение:

Кто весел, тот смеется \leftrightarrow *Веселый смеется.*

Конструкция гармонична, поскольку обе части в ее составе равноправны. Спаянность частей наиболее сильна, т. к. они не могут существовать одна без другой. Их равноправие проявляется в том, что при трансформации обе части как бы сливаются в одно целое. Символика конструкций — стремление к гармонии слияния. Они часто встречаются в художественных текстах, изображающих сильные гармоничные эмоции, связанные со страстным взаимным стремлением к любви, радости, счастью.

Наглядно проявляется содержательность этих конструкций в «Алых парусах» А. С. Грина. В тексте этого произведения интересующая нас конструкция встречается редко — примерно один-два раза на пятьдесят сложных конструкций (т. е. около 3%). Но во фрагментах, описывающих любовь Грэй и его финальную встречу с Ассоль, число атрибутивных конструкций с объединением частей резко возрастает. Так, в VII главе начальный монолог Грэй, в котором он говорит Пантену о своей любви к Ассоль, содержит в общей сложности около 40 сложных конструкций и из них 5 — атрибутивных с объединением частей (более 12%): «Я делаю то, что существует, как старинное представление о прекрасно-песбыточном, и что, по существу, так же быточно и возможно, как загородная прогулка; Он сжато передал моряку то, о чем мы хорошо знаем. . . ; Я прихожу к той, которая ждет и может ждать только меня. . .».

В наибольшей степени встречаемость рассматриваемых конструкций возрастает в заключительном фрагменте романа, в сцене встречи Грэй с Ассоль, где на 35 сложных конструкций обнаруживается 6 атрибутивных с объединением частей, т. е. более 17%: «. . . Среди них стоял тот, кого, как ей показалось теперь, она знала. . . От волнения, движения облаков и волн, блеска воды и дали девушка почти не могла уже различать, что движется: она, корабль или лодка. . . Много на свете слов на разных языках и разных наречиях, но всеми ими, даже и отдаленн, не передашь того, что сказали они в день этот друг другу». Любопытно, что заканчивается эта сцена конструкцией того же типа: «И пусть счастлива будет та, которую „лучшим грузом“ я назову, лучшим призом „Секрета“!».

Атрибутивные конструкции с объединением частей — малочастотны, поэтому их нагнетение там, где их символика соответствует общему эмо-

ционально-смысловому содержанию текста, особенно значимо. Например, в известном монологе лермонтовского Демона:

Я тот, которому внимала
Ты в полувочной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит...

Высока встречаемость этих конструкций в поэзии В. С. Высоцкого, где они чаще всего символизируют стремление к единению и общечеловеческой любви:

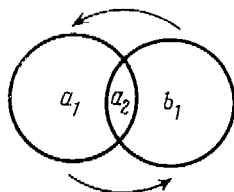
День-деньской я с тобой, за тобой —
Будто только одна забота,
Будто выследил главное что-то —
То, что снимет тоску, как рукой.

Ср. также:

Только чувству, словно кораблю,
Долго оставаться на плаву,
Прежде чем узнать, что «я люблю» —
То же, что «дышу» или «живу»!

1.3. А т р и б у т и в н ы е с п е р е с е ч е н и е м ч а с т е й .

$$a_1(a_2) \wedge b_1(a_2) \leftrightarrow b_1(a_2) \wedge a_1(a_2)$$

У калитки стоял мальчик, который сразу меня узнал.

В предложениях этого типа одна из частей обязательно автосемантическая, а вторая может быть и синсемантической, и автосемантической. Характерной особенностью является то, что в составе одной из частей существует элемент (в нашем примере *мальчик*), обладающий признаком *a* (*он стоял у калитки*) и признаком *b* (*он сразу меня узнал*). Части предложения как бы входят одна в другую, пересекаются, имея общую часть пересечения. Возможна частичная ротация частей вокруг этого общего элемента и скрепы: *Меня сразу узнал мальчик, который стоял у калитки*.

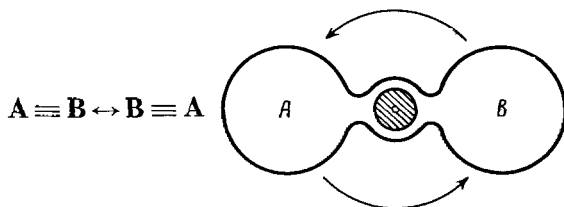
В этих конструкциях наблюдается ослабление тесной связи частей и намечается тенденция к их обособлению. Но разделение еще не произошло полностью — часть предложений этого типа допускает даже преобразование в простое, причем характерно, что ядро простого предложения образуется за счет одной из частей: *У калитки стоял мальчик, сразу узнавший меня*. Таким образом, с этой точки зрения конструкция представляется негармоничной. Однако, с другой стороны, элементы конструкции уравновешены относительно общей части пересечения (это доказывается возможностью их взаимозамены), что и свидетельствует о гармоничности конструкции.

В связи с таким двойственным характером строения конструкции ее символику выявить сложнее, чем двух предыдущих. Для этого нужны специальные целенаправленные статистические исследования разнообразных художественных текстов. Во всяком случае, можно ожидать, что

содержательность ее формы будет более широкой и менее яркой и определенной.

II. Группа компаративных конструкций также включает три типа.

II.1. Компаративные симметричные. При сравнении событий, описываемых частями симметричных предложений, устанавливается сходство этих событий в том аспекте, который обозначается семантикой скреп, что и проявляется в трансформации ротации частей во круг скрепы.

Я пришел, когда все уже собрались расходиться ↔ Все уже собрались расходиться, когда я пришел; Там, где раньше был пустырь, теперь выросли многоэтажные дома ↔ Там, где теперь выросли многоэтажные дома, раньше был пустырь; Он поступил так, как на его месте поступил бы каждый ↔ На его месте каждый поступил бы так, как поступил он.

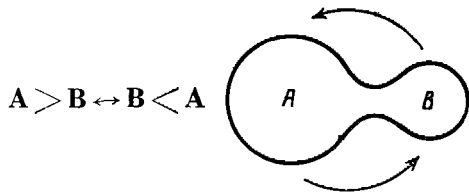
Конструкции этого типа следует отнести к гармоничным ввиду функционального равноправия их частей. Но в отличие от символики атрибутивных с объединением частей это гармония равновесия. Такие конструкции часто встречаются в описаниях природы, ими подчеркиваются также чувства светлого любования, восхищения, разделенной любви.

Красноречивая иллюстрация — первое стихотворение цикла «Кармен» А. А. Блока, которое все построено на компаративных симметричных конструкциях:

Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг полыхнет мигнувший свет,—
Так сердце под грозой певучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.

Весь синтаксис стихотворения А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье» — это гармоничные конструкции, и основное место среди них занимают компаративные симметричные (в несколько редуцированной форме сравнительных оборотов). Только компаративные симметричные конструкции употребил А. С. Пушкин и в стихотворении «Редет облаков летучая гряда». У А. И. Куприна в описании любви Соломона и Суламифи среди всех типов сложных конструкций явно доминируют компаративные симметричные.

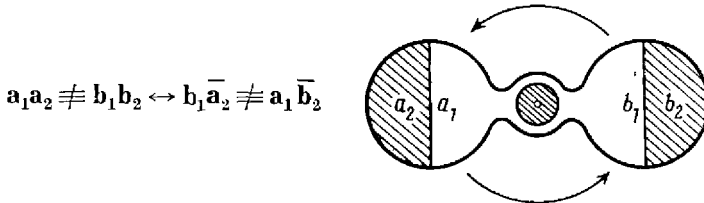
II.2. В компаративных антисимметричных предложениях события А и В противопоставляются по признаку, обозначенному скрепой. Эти предложения допускают трансформацию антонимизации, когда одновременно с ротацией частей происходит замена скрепы на антонимичную.

Лучше умереть стоя, чем жить на коленях ↔ Жить на коленях хуже, чем умереть стоя.

Конструкция негармонична, поскольку ее части не уравновешены, хотя дисгармония выражена слабо. Отсюда символическое значение, уместное при описании негармоничных отрицательных эмоций умеренного напряжения. Предложения этого типа редко встречаются в художественных произведениях и в основном не создают самостоятельного рисунка синтаксической содержательности, добавляя к общей картине лишь дополнительные оттенки.

II.3. Компаративные противительные. В результате сравнения не устанавливается ни сходства, ни противопоставления, а лишь констатируется различие событий в каком-то отношении. О принадлежности предложений к этому типу свидетельствует трансформация частичной антонимизации с частичной ротацией, при которой сравниваемые элементы частей взаимозаменяются, а оставшиеся на месте элементы берутся с отрицанием:

Фрукты растут на деревьях, а ягоды на кустах ↔ Ягоды растут не на деревьях, а фрукты не на кустах.

Символическое значение выражается не особенно четко, но все же эта конструкция представляется в какой-то мере негармоничной, т. к. ею выражается различие элементов частей А и В. Скорее всего, компаративные противительные могут усиливать символическое значение других конструкций с более явно выраженной дисгармонией частей, как это наблюдается, например, в стихотворении С. А. Есенина «Отговорила роща золотая. . .»

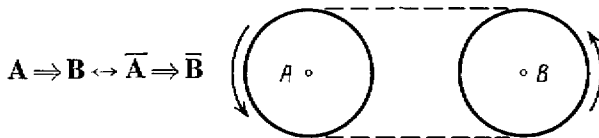
Стою одна среди равнины голой,
 А журавлей относит ветер в даль,
 Я полон дум о юности веселой,
 Но ничег в прошедшем мне не жаль.
 Не жаль мне лет, растрченных напрасно,
 Не жаль души сиреневую цветь.
 В саду юрит костер рябины красной,
 Но никою не может он согреть.

Компаративная противительная конструкция употреблена здесь вместе с двумя наиболее дисгармоничными каузативными алогичными конструкциями (о них см. III.3.). Минорный эмоциональный тон в приведенных строках усиливается постепенно, и соответственно этому расположены

негармоничные конструкции — сначала со слабо выраженной, а потом с резкой дисгармонией частей.

III. Группа каузативных предложений.

III.1. Каузативные следования. Событие В является следствием события А. Предложения этой модели могут быть подвергнуты трансформации импликации:

Если не будет дождя, то мы пойдем гулять ↔ Если будет дождь, то мы не пойдем гулять; Я рассказал вам все, чтобы вы знали, как вам поступать ↔ ↔ Если бы я не рассказал вам все, вы бы не знали, как вам поступать; Отряду пришлось возвратиться, потому что запасы продовольствия подошли к концу ↔ Если бы запасы продовольствия не подошли к концу, отряду не пришлось бы возвращаться.

С изменением А изменяется и В. Отсюда гармония конструкции. Можно сказать что такие конструкции способствуют выражению гармоничных эмоций рационального плана. Это конструкции «сознанного чувства».

Прекрасный пример использования символики конструкции — стихотворение М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...». Это произведение о гармоничном слиянии души человека с природой все построено на одном предложении, имеющем модель $A \Rightarrow B$: когда возникает ряд определенных условий, как следствие приходит просветленное постижение счастья, смысла бытия:

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

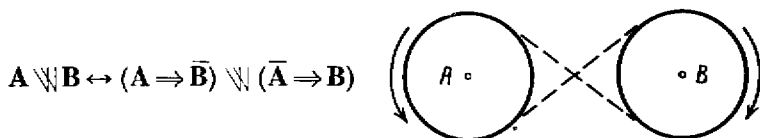
Когда, росой обрызганный душистой,
Румянным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он,—

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,—
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...

III.2. Каузативные разделительные. Реализуется или А, или В.

Определяющей служит трансформация дизъюнкции.

Летом мы отправимся путешествовать на байдарке или пойдём в горы ↔ Если летом мы не отправимся путешествовать на байдарках, то пойдём в горы; То ветер воет в трубе, то дождь стучит в окна ↔ Если не ветер воет в трубе, то дождь стучит в окна; Нужно выехать пораньше, иначе можно опоздать на поезд ↔ Если не выехать пораньше, то можно опоздать на поезд.

Конструкция с ярко выраженным дисгармоничным строением: части **А** и **В** несовместимы, т. к. описанные в них события не могут происходить одновременно. Их не удастся привести в соответствие — изменение **А** вызывает прямо противоположное изменение **В**. Символика конструкций усиливает негармоничные, отрицательные эмоции — смятение, печаль, уныние. В творчестве многих писателей и поэтов можно обнаружить большое число иллюстраций использования такой символики этих конструкций в качестве дополнительного изобразительно-выразительного средства. У А. С. Пушкина каузативные разделительные конструкции подчеркивают печальное настроение в стихотворении «Зимний вечер»:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя;
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя,
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К яму в окошко застучит.

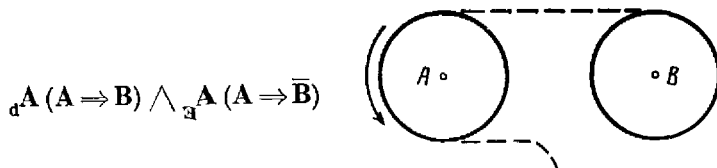
...

Или бури завываюнем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

В предсмертной элегии Владимира Ленского все сложные синтаксические конструкции с определенно выраженными логико-семантическими взаимоотношениями частей негармоничны. Среди них употреблена и каузативная разделительная:

Паду ли я, стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она...

III.3. Предложения типа *Хотя шел дождь, мы пошли гулять* можно назвать каузативными алогичными. Здесь констатируется нарушение обычных причинно-следственных отношений, что изображается следующей схематической записью и графической иллюстрацией:

Для большинства **А** из **А** следует **В**, но существуют и такие случаи, когда из **А** следует \bar{B} . Применительно к нашему примеру: *В большинстве случаев, когда идет дождь, гулять не ходят, но в этот раз шел дождь, но мы пошли гулять.* Предложения этой модели весьма своеобразны и не поддаются трансформации. Единственным способом проверки на принадлежность предложения к данной конструкции может служить рас-

пифровка схематической записи логических отношений, подобная той, которая проделана выше.

Конструкция резко дисгармонична, поэтому ее символика способствует выражению глубоких негармоничных переживаний, возникающих в трагических обстоятельствах. Не составляет труда обнаружить в художественных текстах примеры функционирования символики этой конструкции — они многочисленны. Так, весь синтаксис поэмы М. Ю. Лермонтова «Мцыри» пронизан конструкциями А, но В, и особенно заметно возрастает их встречаемость в наиболее трагических сценах, например, таких, как схватка с барсом:

И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.

...

Он застонал, как человек.
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

Вообще в синтаксисе произведений М. Ю. Лермонтова эти конструкции довольно частотны и их символика дисгармонии используется весьма разнообразно:

Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Все жив, хотя бессилен он...

Тема смерти, развиваемая А. С. Пушкиным в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных», сопровождается синтаксическим оформлением, состоящим в основном из двух типов конструкций: сначала это многочисленные дисгармоничные конструкции А или В, а затем резко дисгармоничная каузативная алогичная:

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне все б хотелось почивать

Отметим, что сцена убийства Владимира Ленского на дуэли тоже оформлена конструкцией с такой символикой;

И Ленский, жмуря левый глаз,
Стал также целить — но как раз
Онегин выстрелил...

Перечисленные модели отражают основные типы логико-структурных отношений между частями сложных синтаксических конструкций. При более детальном рассмотрении сложных предложений между выделенными типами моделей можно обнаружить и переходные случаи с соответственно более широкой, «переходной» содержательностью синтаксической формы.

Как можно заметить, выделенные нами типы сложных конструкций расположены в определенном порядке — от наиболее тесной до наиболее слабой логико-структурной связи их частей. Если тип I.1 — это еще почти простая конструкция, еще только начальный этап формирования сложной, и связь частей еще очень тесна, то в типе III.3 связь между частями как бы сломана, нарушена, и конструкция близка к распаду. Чем ближе к началу или к концу нашего перечня конструкций, тем определеннее

специфика их синтаксического устройства и тем ярче выражено их символическое значение. Поэтому наиболее ярка символика атрибутивных и каузативных конструкций, тогда как компаративные конструкции с этой точки зрения в общем менее выразительны. В каждом из трех групп есть конструкции гармоничного (I.2; II.1; III.1) и дисгармоничного строения (I.1; II.2; III.2; III.3) и соответствующей символики, есть также модели с более яркой (I.1; I.2; II.1; III.1; III.2; III.3) и менее яркой (I.3; II.2; II.3) символикой. Такой арсенал синтактико-символических средств представляет художникам слова широкие возможности для выборочного или комплексного использования символического потенциала синтаксиса и создания достаточно богатой содержательности синтаксической формы текста.

Так, символично-синтаксический фон стихотворения А. С. Пушкина «Я вас любил...» создается чередованием гармоничных и дисгармоничных конструкций. В первой строфе сначала употреблена алогичная каузативная конструкция, поддерживающая экспрессивно напряженное печальное чувство:

Я вас любил; любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит...

Однако эта конструкция сейчас же уравнивается каузативной следования — чувство замолкает перед доводами разума:

Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.

Хотя в этой части предложения логико-структурные отношения выражены нечетко из-за эллипсиса (отсутствуют скрепы), но все же причинно-следственные отношения здесь просматриваются.

Далее следует лишь намек на дисгармоничную каузативную раздельную конструкцию. Намек, потому что употреблено не сложное предложение, а простое с однородными членами, которое, однако, может рассматриваться как свернутое сложное:

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим.

Символический оттенок уместен, поскольку в этих строчках — всплеск негармоничного чувства, вызванный воспоминаниями о неразделенной любви.

Но завершается стихотворение четко выраженной конструкцией покойной гармонии — компаративной симметричной:

Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

*

Проведенные наблюдения, как нам представляется, дают основание полагать, что существует особая содержательность языковой формы и на синтаксическом уровне — синтаксический символизм. Как и содержательность формы на других уровнях, синтсимволизм четко не осознается носителями языка и носит подсознательный характер. Этот аспект семантики не играет самостоятельной роли в языке, он несет лишь дополнительную, в основном эмоционально окрашенную информацию, но его изучение расширит представление о синтаксическом и семантическом устройстве языка, о стилистических и художественно-изобразительных язы-

ковых средствах. Возможно, предложенные нами предварительные заметки будут способствовать привлечению внимания к этому совершенно не изученному семантическому явлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левицкий В. В.* Семантика и фонетика. Черновцы, 1973.
2. *Ворокин С. В.* Основы фоносемантики. Л., 1984.
3. *Блинова О. И.* Явление мотивации. Омск, 1984.